

Дмитрий Колесов

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Психология должна
быть жизненной

Психология должна быть жизненной, и поэтому психологам надо учиться «читать» реальную, повседневную жизнь: любая жизненная ситуация психологически содержательна. Другой источник психологического знания – разговорная речь, а также фольклор и произведения художественной литературы: их тоже надо уметь «читать» с психологической точки зрения. При этом всегда у психолога должен быть баланс между первичной и вторичной информационной средой.

Первичная информационная среда – то, что непредвзято с профессиональной точки зрения и жизненно-актуально, вторичная – тексты коллег, которые, несомненно, воплощают их интеллектуальные достижения, но с другой стороны – порою несут на себе влияние излишне идеологизированных концепций, замкнутых сами на себя и далеких от реальной, полнокровной жизни.

Проблема
интерпретации
интерпретаций

Полагающийся только на профессиональные тексты психолог вынужденно занимается интерпретацией чужих интерпретаций, вместо интерпретации реальной, живой, полнокровной жизни. А если каждый из поколения в поколение психологов интерпретирует только тексты предыдущих, то возникает негативная эстафета интерпретаций чужого. И все вместе психоло-

Психологическое содержание повседневной ситуации

ги отдаляются от истины, которой в реальной жизни всегда больше, чем в отражающих ее с теми или иными неточностями и предвзятостью текстах.

О том, насколько психологически содержательной может быть повседневная, знакомая и привычная всем ситуация, свидетельствует следующий пример.

Мне нужно попасть в определенное место к определенному времени, но отправиться туда загодя возможности не было. На остановке в нужном мне направлении стоит троллейбус: вот-вот отойдет. Но поскольку сразу он не отошел, а продолжает стоять, у меня (как и у каждого в таком положении) возникает надежда: а вдруг он постоит еще, и тогда я на него, быть может, успею. Одновременно возникает обращенное к нему желание: чтобы он постоял еще немного.

Психические факторы ситуации

Таким образом, здесь сразу два психических фактора: желание и эмоция (надежда). Последняя имеет два компонента, один из которых ориентирован на себя, а другой – на троллейбус: «Быть может, он еще постоит?! Быть может, я в него попаду?!» Обратим внимание: если моя надежда оправдается, то и мое желание окажется удовлетворенным, а если мое желание будет удовлетворено, то оправдается и моя надежда. Это возможно потому, что здесь эмоция и желание имеют одинаковую направленность. В случае же разной их направленности (к примеру, я хотел, чтобы троллейбус постоял, но в этом сомневался), удовлетворение желания приведет не к оправданию сомнения, а к его угасанию, да еще и с дополнительной оценкой: «Зря я сомневался».

Семантический аспект ситуации

Обратим внимание и на семантический аспект: если бы моя надежда была более масштабной и охватывающей более продолжительный отрезок времени, мы бы сказали: «сбудется», «сбылась», а для подобных мимолетно-ситуационных надежд достаточно и слова «оправдается». Заодно делаем вывод: надежда может быть и установочного плана, и ситуационно-рабочего. А также и на то, что *содержанием надежды становится образ потребного результата, который надежда заимствует у желания.*

Какие побуждения могут быть связаны с моим указанным выше желанием? В той части, которая относится к троллейбусу, никакие: ведь его «поведение» от меня не зависит. Но в том, что возможность повисить вероятность удовлетворения ведущего в данный момент желания – попасть в троллейбус – зависит и от меня, побуждение возникает: ускорить шаги и, быть может, по-

Желания и побуждения

бежать (в зависимости от самочувствия и того, сколько времени остается в моем распоряжении). В целом же, данная ситуация возникает вследствие взаимодействия двух активных элементов: троллейбуса (водителя) и меня – потенциального пассажира.

Какой вывод мы делаем из этого? Очевидно, что *мое желание может относиться ко всему, в том числе и к проявлениям активности других индивидов и объектов, а побуждение – только к моим собственным действиям*. Следовательно, между желанием и побуждением есть некий психический «промежуток», который может заполняться различной информацией. И в зависимости от этого, побуждение формируется или нет. Отсюда ясно, что побуждение возникает не автоматически, просто вытекая из желания. Тем не менее, если уж оно возникнет, энергию ему дает именно желание. В данном примере оно черпает свою энергию из более весомого источника: моего желания попасть в троллейбус, а последнее – непосредственно связано с моей нуждой попасть в определенное место к определенному времени.

Источник надежды

Надежда тоже черпает энергию из этого же источника, но «распоряжается» ею самостоятельно: усиливая переживание желаемого и прибавляя сил для его удовлетворения. Здесь желание дает мне силы бежать, а надежда порождает энтузиазм, с которым я бегу, что тоже эти силы увеличивает. Кстати, подобным образом, по-видимому, формируется и настрой спортсмена на результат: иногда он есть, а иногда и нет. Так что спортивная «форма» имеет и психические основания.

Тот факт, что между желанием и возможным формированием на его основании побуждения (в данном случае – побежать) есть некий психический «промежуток», в чем мы удостоверились на основании различий в адресации желания (и на себя, и на действия других индивидов и объектов), позволяет понять, как формируется вера в чудо. Она свойственна многим индивидам и играет весьма значительную роль в общественных событиях.

Вера в чудо

Что такое вера в чудо? Это желание действия неких посторонних сил, результат которого, однако, нужен именно мне. Ведь и обращенное к себе желание – успеть, и обращенное к троллейбусу желание – чтобы он постоял, имеют один и тот же необходимый мне результат. Действительно, самому-то троллейбусу безразлично, успею ли на него. Но тем не менее я хочу, чтобы постоял он.

Следовательно, чудо – это необходимый и желаемый нами очень значимый результат, достижение которого мы связываем не со своими действиями, а с действиями кого-либо другого. Но поскольку хотим мы многого, то и силы эти полагаются могущественными. А в условиях неясности того, как именно наше желание будет ими удовлетворяться, они полагаются еще и таинственными.

«Могу, хочу,
надеюсь»

Еще один существенный момент, связанный с тем, что мое желание может относиться не только ко мне, но и к действиям других (индивидов, объектов, явлений) – слова из песни: «Я хочу, чтобы лето не кончалось!» Какое мое побуждение может возникнуть на основании этого желания? Да никакого: от меня результат никак не зависит. Поэтому и побуждения к каким-либо действиям не возникает. Но зато – очень интересный момент: место побуждения может занять эмоция: вопреки всему я могу надеяться, что лето, вдруг, действительно все же не кончится. Как разум (мотивация) мне не твердит: «Этого не может быть», я ему (же) отвечаю: «А я так хочу!», «Я на это надеюсь!»

Желание
и эмоции

Следовательно, желание и эмоция всегда относятся к одному и тому же, но проявляют себя по-разному. Первичным является желание: без него эмоция не возникнет. По ходу действий, направленных на удовлетворение одного и того же желания, могут быть различные эмоции: в зависимости от возрастания или снижения вероятности достижения потребного результата. Семантический момент: если желание мы удовлетворяем своими действиями, то это именно «удовлетворение», если же наше желание удовлетворяется действиями кого-то другого, то мы говорим: «Сбылось».

Эмоция радости

Но вернемся к нашему троллейбусу: пока мы находимся в описанной выше ситуации, это именно «наш троллейбус». После же завершения ситуации он для нас становится неотличим от любого другого. Итак, мое желание оказаться в этом троллейбусе оказалось удовлетворенным – благодаря двум факторам: он стоял, а я быстро к нему шел/бежал. Вскочив в троллейбус и осознав, что успел и, следовательно, мое желание удовлетворено, а надежда оправдалась, в течение нескольких мгновений я испытываю радость (удачи): эмоция надежды «конвертировалась» в эмоцию радости.

Радости тем больше, чем важнее дело, которое мне предстоит сделать, попав в нужное место к нужному времени. Если же дело небольшое, то и мера радости невелика. Семантический момент: *если все решают мои*

От позитивных
эмоций к
негативным

усилия, то это успех, если результат от меня не зависит или зависит мало, то это удача, хотя «удачным» могут считаться и действия, которые привели к успеху.

Итак, у меня небольшая, но радость: «Успел!» Но что это? Троллейбус почему-то продолжает стоять и после того, как я в него вскочил (или вошел: последнее зависит как от уровня спешки, так и от моего темперамента). Теперь этот благоприятный для меня поначалу факт меняет свой знак: ведь продолжение стояния троллейбуса входит в противоречие с главным для меня – доехать до определенного места к определенному времени. И тогда на место радости, постепенно нарастая, приходит досада: «И чего это он так долго стоит?!» Характерно: имеется в виду не весь период стояния троллейбуса, а только время после того, как я в нем оказался: в этом проявляет себя моя субъективность.

Сначала досада небольшая, но троллейбус все стоит, и ее интенсивность нарастает. Досада тем более велика, что теперь-то ничего от меня не зависит, ничего своими усилиями сделать я не могу: остается только терпеливо ждать. Это ожидание требует терпения и выдержки, а они – в свою очередь – заметного психического усилия. Здесь ведь необходимо еще и переключение: с программы быстрого сближения на программу ожидания, и это тоже не всегда легко или безразлично.

Кроме того, приходится еще и сдерживать себя: то ли от интуитивного побуждения (куда-то) бежать, то ли от разрядочной реакции – выругаться. И к тому же, стояние троллейбуса обесценивает предыдущие мои желания, эмоции и усилия: они как бы девальвируются, и мой успех оказывается под сомнением! Действительно, если он простоит долго, я опоздаю прибыть вовремя в нужное мне место. Так что здесь возникает еще одна – негативная – эмоция: опасение.

Перемена
желания

Действительно, чего было переживать и бежать, если он «все равно стоит»?! Следовательно, только что я хотел, чтобы он постоял еще, но оказавшись внутри, я хочу противоположного. Очевидно, что здесь имеет место феномен перемены знака желания, связанного с одним и тем же объектом и одним и тем же его действием. Энергетическая насыщенность ситуации активизирует мышление, а ситуация определяет содержание мыслей, подвигая меня даже на «обобщение». Отсюда – мысль: «так я вообще никуда не доеду!» В то же время мои переживания немного умиряет пробудившаяся совесть: «Ты же только что хотел, чтобы он стоял, так хотя бы не ругай его за то, что он стоять продолжает, ведь

не тебя же одного он должен слушать!»

Еще один семантический момент: мое желание успеть попасть в троллейбус до его отхода удовлетворяется «путем» – путем моих и троллейбуса действий: я шел/бежал, а он стоял. Надежда же не удовлетворяется, а «оправдывается», причем не «путем», а «благодаря» (этим нашим совместно с троллейбусом) действиям. И еще: желая, чтобы троллейбус еще постоял, я одновременно и ожидал от него этого: здесь «ожидание» имеет фактуру надежды. Оказавшись внутри, я тоже начал ожидать, но в другом смысле: «терпеливо ждать». Следовательно, слово «ожидание» имеет два вектора смысла: смысл надежды (проекции в будущее) и смысл терпения, выдержки, самообладания.

Множественность желаний в жизненном эпизоде

Итак, по ходу этого жизненного эпизода у меня было несколько желаний:

- доминирующее во всей этой ситуации – приехать вовремя в нужное место;
- промежуточное (рабочее) – успеть попасть на первый же троллейбус;
- ситуационное – чтобы он постоял, пока я к нему приближаюсь;
- дополнительное – чтобы он тронулся сразу, как только я в нем окажусь;
- относимое к себе (успеть внутрь троллейбуса и успеть в нужное мне место);
- относимое к троллейбусу – чтобы он постоял и тем самым меня как бы подождал: а вдруг водитель заметил, как я бегу и решил подождать; но когда он стоять продолжает, выясняется, что ему до меня нет никакого дела, а это даже обидно...

«Эстафета» эмоций

Что же касается эмоций, то здесь их целая эстафета: одна сменяет другую, способствуя достижению потребного результата: надежда → радость → досада. Именно досада, а не «разочарование», поскольку «очаровываться» здесь было нечем. Досада – относительно низкая эмоция, тогда как разочарование – относительно возвышенная, хотя обе имеют один знак – отрицательный.

Если же ситуация повторяется (а описанная относится к этой категории), то эмоции становятся привычными: привычная надежда поначалу, привычный энтузиазм по ходу, привычная радость в случае успеха, привычная досада, если этот успех чем-либо омрачается или девальвируется. Или же разочарование: когда надежды были большими, а успеха – (почти) никакого.

Психологическое содержание фольклорного сюжета сказки

Следующая ситуация – фольклорная: русская народная сказка о Курочке Рябе. Напоминаем сюжет. Снесла Курочка яичко. Дед бил-бил – не разбил, баба била-била – не разбила. А мышка бежала, хвостиком зацепила, яичко упало и разбилось. Дед плачет, баба плачет, а Курочка кудахчет: «Не плачь дед, не плачь баба – я еще снесу вам яичко, да не простое, а золотое!» Попробуем добраться до смысла сказки.

Векторы смысла одного сюжета

На первый взгляд, главным здесь является действие, относящееся к разбиванию яйца: дел *бил-бил*, баба *била-била*, мышка *бежала*, хвостиком *зацепила*, яичко *упало* и *разбилось*, Курочка *обещает снести* новое. Но если принять данный вектор смысла в качестве главного (доминирующего), то возникает сразу два недоуменных вопроса. Первый: с чего же это дед и баба заплакали, когда яичко разбилось? Ведь они и сами старались его разбить («бил-бил», «била-била»), так что спасибо мышке: в этом она им помогла? Второй: как их может успокоить обещание Курочки снести золотое яйцо: ведь его тем более не разбить? Очевидно, что народная сказка, в отличие от литературной, не может быть глупой, и, следовательно, смысл ее не в содержании действий, или по крайней мере – не всех, а наиболее демонстративных, выступающих на первый план.

Обратимся ко второму вектору смысла: потребительской ценности яйца. Если его разбить, держа в руке, то потом его можно использовать. Если же оно упадет на пол и разобьется, то разольется, и съесть его уже будет нельзя, разве что отдать кошке. Этот смысл вполне оправдывает переживания деда и бабы: полезный предмет они утратили. Но этот вектор смысла не объясняет того, как и почему их может утешить вместо обычного золотое яйцо: оно ведь несъедобно?

Подлинные смыслы сказки

Обращаемся к третьему вектору смысла – не столь очевидному: о ценном предмете как таковом, независимо от конкретных его черт (простое ли яйцо, золотое ли). Тогда объяснимым становится и утешительный смысл обещания Курочки снести золотое яйцо: ведь это более ценный предмет, чем то, что было утрачено. Следовательно, подлинный смысл этой сказки таков: компенсация потери (утраты) с избытком. Действительно, если отпадает цель разбить, чтобы съесть яичко, и мы воспринимаем его именно как ценный объект, то все понятно, и никаких противоречий: вместо утраченного дед и баба получают более ценное.

Но есть еще один вектор смысла: сказка-то называется «Курочка Ряба»! Значит, сказка о самой Курочке?

Да, это так: сказка демонстрирует именно ее положительные черты:

- покладистость (не обиделась, что дед и баба так старались разбить ее творение – яйцо);
- отзывчивость (увидела, как они расстроились, посочувствовала и решила их утешить);
- трудолюбие (взялась снести золотое яичко, а это, надо полагать, более трудно, чем снести обычное).

Тот же факт, что взялась она снести золотое яичко – дело житейски нереальное, – вполне оправдывается тем, что Курочка-то была сказочной. И быть может, сказка явилась модификацией известного межэтнического блуждающего сюжета – о чуде природы – курице, которая «несет золотые яйца». Наша Курочка как раз такой и была, но применительно к повседневной житейской ситуации: т.е. чудо здесь «вписано» в обыденную жизнь. Мышка же играет только вспомогательную роль: поскольку она бежала и хвостиком зацепила, то яичко упало на пол с размаху, и ясно, что разбилось настолько, что есть его было уже нельзя.

О различии смысла понятий «потеря» и «утрата»

Семантическое дополнение: о различии смысла понятий «потеря» и «утрата». Первое относится к обыденному или же к какой-либо неотрывной своей ценности: «потерял кошелек», «потерял память», «потерял руку»... «Утрата» же относится к более самостоятельным объектам, связанным с другими людьми: «утратил доверие окружающих», «утратил близкого человека»...

Ситуация фольклорного сюжета песни

Еще одна фольклорная ситуация: русская народная песня. Напоминаем текст: «Во поле березка стояла, во поле кудрявая стояла. Люли-люли стояла, люли-люли стояла. Я пойду погуляю, белую березу заломаю. Люли-люли заломаю, люли-люли заломаю!» Попробуем раскрыть и ее смысл.

Начнем со слов «заломаю». Во-первых, это действие явно не прагматическое, а эгоцентрическое: «герой» сказки тешит себя своевольными действиями в отношении незащитного объекта, и другой «пользы» для него в этом, как очевидно, нет. И к тому же, эти действия становятся содержанием его намерения: «погулять». Следовательно, «погулять» для него – это где-либо что-либо «заломать»! Не из-за таких ли индивидов возникла деревенская традиция регулярных кулачных боев село на село, стенка на стенку? Хоть и физиономия вся в крови, а все равно на душе радостно: «погулял»-то вволю! В соответствии с известным принципом: «раззудись плечо, размахнись рука!». Но наш-то «герой», видимо, трус: избрал целью своего «гулянья» незащит-

«Полукультура»
хуже бескультурья

ный объект. Уж если он такой «крутой», то пошел бы лучше в лес, набил бы морду медведю!

Но есть здесь и еще один вектор смысла, связанный с характеристикой березки: «кудрявая». Очевидно, что это положительный эпитет, и тогда выясняется, что «полукультура» хуже бескультурья. Действительно, герой понимает, что березка-то красивая: этим она и привлекает его внимание. Следовательно, начало эстетического чувства у него есть, но культуры поведения – никакой: ничего иного, кроме «заломать», связать для себя с этим объектом в своих действиях он не способен. Да еще и эгоцентризм: самодурство.

В общем, получается: «так хороша березка» (эстетический момент), что трудно удержаться, чтобы ее не заломать (момент дурного самоутверждения). Здесь и основание вандализма: объект для индивида не безразличный (что в данном случае было бы лучше для этого объекта), а именно привлекательный. Но проявить себя индивид не умеет иначе, как насильственными, разрушительными действиями, устраняющими этот раздражитель. Его психическая энергия не разряжается в положительных эмоциях (восхищение, умиление), а направляется сразу в двигательную сферу, в соответствии с намерением (установкой) «пойти» и «погулять». «Пойти» для него – это не столько погулять, сколько получить возможность именно «заломать».

Наконец, последний, обобщенный смысл текста этой песни: возможность индивида проявить себя активными действиями, демонстративно. Причем эту демонстративность он еще и обещает, о ней предупреждает. Поэтому его действия не случайны, а идут «от души»? Об этом говорит откровенность его слов: «Я пойду погуляю, белую березку заломаю». И никакого стыда при мысли об этом у него нет: он просто не знаком с этим переживанием и не понимает, что задумано им плохое.

Обогащение
психологии
жизненностью

Очевидно, что каждый, кто хочет стать психологом жизненным и полноценным, должен вырабатывать у себя привычку анализировать происходящее с психологической точки зрения, овладевать методами препаративной психологии, строить модели того, что происходит и в его собственной психике, и во внутреннем мире окружающих. В сферу его внимания обязательно должны входить также проблемы, которые ставили и решали специалисты широкого культурологического профиля Н.Я. Марри, В.Я. Пропп. Это будет обогащать психологию.